

Гофмановские традиции в произведении Гоголя «Ганц Кюхельgarten»

Цель нашей статьи – проследить отражение гофмановской традиции на примере ранней поэмы писателя «Ганц Кюхельgarten».

Изучение круга вопросов, связанных с темой влияния литературной традиции зарубежных авторов на творчество отечественных писателей, очень востребовано. В наше время проблема диалога культур как никогда является актуальной. У Казанского университета давние связи с немецкой культурой, примером чему могут служить взаимосвязи с Гиссенским университетом. С конца 1990-х г. в Казани и Гиссене проходил ряд научных конференций, в том числе назовем проект «Русско-немецкий диалог в филологии» (1998 – 1999 гг.).

Проблема «Гоголь и Гофман» имеет в литературоведении основательные сложившиеся традиции. Ее разработкой занимались многие исследователи: А.Б.Ботникова, А.Н.Зорин, А.И.Иваницкий, Св.Крис, В.А.Кулешов, Пр.Мейер. Однако, отметим, что вопрос о влиянии гофмановской традиции ученые (Ю.В.Манн, В.В.Гиппиус, А.Б.Ботникова, Н.Л.Степанов, Э.М.Жилякова, Т.О.Бибе), как правило, связывают с более поздним произведением Гоголя – «Вечера на хуторе близ Диканьки». Мы же рассматриваем исток гоголевского творчества – поэму «Ганц Кюхельgarten», что обуславливает, как нам представляется, новизну нашего подхода.

Прежде всего, необходимо четко обозначить, что мы понимаем в данном случае под гофмановской традицией, это:

- 1) система прямого или косвенного влияния Гофмана на Гоголя;
- 2) влияние ауры гофмановского романтизма через немецкую словесность;
- 3) система аллюзий и реминисценций на произведения Гофмана в окружении Гоголя в русской литературе;
- 4) своеобразный «диалог» Гоголя с Гофманом в целом ряде его произведений.

Интересные результаты дает анализ в этом аспекте поэтики звуков, цвета и света в поэме «Ганц Кюхельgarten».

В последнее время исследователями теории и истории романтизма все более пристальное внимание уделяется вопросам иррационального воздействия романтического искусства. Особую роль как раз играет символика звука, цвета и света. Поскольку изучить воздействие искусства на мир нагляднее всего через автобиографический во многом образ художника, нам показалось продуктивным рассматривать то произведение Гофмана, хорошо известное во времена Гоголя, в центре которого, как и в «Ганце Кюхельgartене», находится образ человека искусства. Трудно переоценить роль новеллы «Золотой горшок», герой которой – Ансельм – очень близок по духу гоголевскому Ганцу-мечтателю. Важный факт: произведение Гофмана в целом рус-

ском переводе появилось в 1831 году в журнале «Московский телеграф», но, и это существенно, Гоголь и ранее мог ознакомиться с новеллой через прямые переводы, оригиналы, через иностранные источники – в годы учебы в Нежине.

Звук в обоих произведениях является гранью между двумя мирами: реальным и фантастическим. В «Золотом горшке» Ансельму перед появлением змеек во главе с Серпентиной – явлением сказочного мира - чудятся неизъяснимые звуки. В произведении Гоголя – старый дом пастора окружают птицы, «сад веселой песнью оглашая» [Гоголь 1976: 212].

С помощью звуков находит первое воплощение очень важный для романтизма принцип чудесного видения. Именно с ним связана завязка конфликта, по причине которого герой оказывается между действительностью и миром мечты:

<i>«Ганц Кюхельгартен»</i>	<i>«Золотой горшок»</i>
«... Вот та липа, Где отдыхать он любит, то ж дряхлеет. Зато вокруг ней зеленые прилавки Из дерну свежего. В дуплистых норах Ее гнездятся птички, старый дом И сад веселой песнью оглашая» [Гоголь 1976: 212]	«То казалось, что это вечерний ветер шевелит листьями; то – что это порхают туда и сюда птички в ветвях, задевая их своими крылышками. Вдруг раздался какой-то шепот и лепет, и цветы как будто зазвенели, точно хрустальные колокольчики» [Гофман 1991: 193]

Гофман использует для изображения контраста между земным и нереальным необычные звуки: неясный шелест, шепот, звук колокольчиков. Появление чудесного возмещается столь же фантастическими звуками. У Гоголя мы можем наблюдать природный звук – пение птиц, но в контексте поэмы этот звук выделяется на фоне всеобщего спокойствия, предвосхищая появление «дивного посетителя».

Если у Гофмана символом фантастического мира в сфере звуков является перезвон колокольчиков, то у Гоголя мы опять встречаем пение птицы – в данном случае появление феи возмещает соловей, пение которого считается символом мук и экстаза любви, в «Золотом горшке» таковым символом, соответственно, является звук колокольчиков:

<i>«Ганц Кюхельгартен»</i>	<i>«Золотой горшок»</i>
«И в окне поет певец Вдохновенные затеи. На серебряном ковре, Весь затканый облаками, Чудный дух летит в огне; Север, юг покрыл крылами.	Ансельм впервые видит Серпентину: «И когда он, полный горячего желания, все смотрел в эти чудные глаза, сильнее зазвучали в грациозных аккордах хрустальные колокольчики, а искрящиеся изумру-

<p>Видит: фея спит в плену За решеткою коральной; Перламутную стену Рушит он слезой хрустальной. Обнялись... слились с тьмой... Светит месяц над водой»</p> <p>[Гоголь 1976: 234]</p>	<p>ды посыпались на него и обвили его сверкающими золотыми нитями, порхая и играя вокруг него тысячами огоньков»</p> <p>[Гофман 1991: 194]</p>
---	--

Символика звуков переплетается у Гофмана и Гоголя с символикой света, создается некий симбиоз этих явлений, рождающий чудесный, сказочный мир. Е.А.Масолова отмечает: «Мир «должного» воссоздается Э. Гофманом при помощи синтетических образов: музыкальный образ находится в тесных ассоциативных связях с запахами, цветом и светом» [Масолова 2003: 40].

<i>«Ганц Кюхельгартен»</i>	<i>«Золотой горшок»</i>
<p>Окружающая пастора природа предстает перед появлением «дивного посетителя» такой:</p> <p>«И дремлет он под липой в старых креслах, И ветерок ему свежит лицо, И белые взвевает волоса». «Всё видно, всё светло. Вся в золоте сияет колокольня И блещет луч на стареньком заборе»</p> <p>[Гоголь 1976: 211]</p>	<p>Ансельму являются золотые змейки:</p> <p>«Вечерний ветерок пролетел мимо и шепнул: «Я веял около головы твоей, но ты не понимал меня; веяние есть моя речь, когда любовь воспламеняет меня». Солнечные лучи пробились сквозь облака, и сияние их будто горело в словах: «Я обливаю тебя горящим золотом, но ты не понимал меня; жар - моя речь, когда любовь меня воспламеняет».</p> <p>[Гофман 1991: 194]</p>

Б.М.Галеев отмечает: «Наиболее содержательно и уже близко к тому, как понимал "музыку цвета" романтизм, анализирует <...> итальянский художник П.Гонзага, работавший в России. В специальной книге "Музыка для глаз и театральная оптика" (1800) он <...>предлагает считать музыкой для глаз все "зримые украшения", а подлинное её воплощение он видит в динамическом искусстве фейерверка, чем также приближает к реальной возможности видеть музыку» [Галеев 2015].

Символика света наряду с символикой звука является важным элементом художественного видения Гоголя и Гофмана. Как известно, своеобразная теория света, звука и цвета в искусстве была разработана йенскими романтиками в соответствии с философией Ф.В.Шеллинга. Гофман не принадлежал ни к одной романтической школе, но идеи Шеллинга были глубоко восприняты писателем. В теории Шеллинга свет воспринимался как материализация идеального. В «Золотом горшке» Гофмана и

«Ганце Кюхельгартене» Гоголя мы можем наблюдать подобное явление: фейерверк как часть символики света является материальным отражением мира мечты. У немецкого романтика в воде отражается фейерверк, у Гоголя же словно отблески незримого салюта ложатся на волны и природу:

<i>«Ганц Кюхельгартен»</i>	<i>«Золотой горшок»</i>
<p>«С прохладой спокойный тихий вечер Спускается; прощальные лучи Целуют где-где сумрачное море; И искрами живыми, золотыми Деревья тронуты; и вдалеке Виднеют сквозь туман морской утесы, Все разноцветные»</p> <p>[Гоголь 1976: 224]</p>	<p>«Когда они плыли по реке, случилось, что на том берегу, у Антонского сада, пускали фейерверк. Шурша и шипя, взлетали вверх ракеты, и светящиеся звезды разбивались в воздухе и брызгали тысячу потрескивающих лучей и огней»</p> <p>[Гофман 1991: 196]</p>
<p>«И долго все в молчании любовались: Как за кормой широкая ходила Волна и в брызгах огнецветных, вдруг Веслом разорванная, трепетала...»</p> <p>[Гоголь 1976: 224]</p>	<p>«Студент Ансельм сидел углубленный в себя около гребца; но когда он увидел в воде отражение летавших в воздухе искр и огней, ему почудилось, что это золотые змейки пробегают по реке»</p> <p>[Гофман 1991: 196]</p>

Символика цвета, как и символика света, тесно связана с символикой звука. Используемая Гофманом цветовая гамма в «Золотом горшке» демонстрирует принадлежность новеллы к эпохе романтизма. Для создания фантастического мира используются не просто оттенки цвета, а чаще всего динамичные, нестатичные цвета, необычные, яркие цветовые гаммы. У Гоголя мы также можем наблюдать подобный феномен. Нетипичные, фантастические цвета связаны с нереальным миром: серебряный, огненный, коралловый, перламутровый, золотой.

В последующем творчестве Гоголь перенесет традиции гофмановской поэтики в другое окружение – другой национальной культуры – украинской.

Гоголь не просто воспринимает гофмановскую традицию, но и трансформирует ее в «Ганце Кюхельгартене». Поэтика фантастическй природы, помимо влияний западного романтической традиции, соотносится со славянскими поверьями. Напомним, что Пастору, сидящему под липой, является «дивный посетитель». По славянским поверьям, это дерево отождествлялось с богиней любви и красоты Ладой, чей образ, возможно, и являет Луиза. Также липа олицетворяла образ Богородицы. Мож-

но предположить, что именно здесь впервые в идиллии проявляются черты христианского романтизма Гоголя. Пастор обращается к Луизе «жилица неба-рая».

Романтическое двоемирие у Гоголя еще не сложилось, скорее здесь – предромантическое троимирие. В «Ганце Кюхельгартене» наблюдается трехуровневое видение мира: Жизнь – Гений – Идеал. Использует Гоголь в поэме и традиции древнерусского жанра хождения. В итоге гофмановская традиция взаимодействует в идиллии с моделью христианского романтизма.

Литература

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 17 т. – Т.10. Переписка 1820 - 1834 / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А.Виноградова, В.А.Воропаева. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2009.

Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 7 т. – Т.1. Вечера на хуторе близ Диканьки / Под общ.ред. С.И.Машинского и М.Б.Храпченко. Примеч. А.В.Чичерина и Н.Л.Степанова. – М.: Худож. лит., 1984 – 1986

Гофман Э.-Т.-А. Крейсериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники. – М.: Наука, 1972.

Гофман Э.-Т.-А. Собрание сочинений в 6 т.. – Т.1 / Пер. с нем. – М.: Худож. лит., 1991.

Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. – М.: Аспект Пресс, 2005.

Ботникова А.Б. Э.Т.А.Гофман и русская литература (первая половина XIX века). – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1977.

Галеев Б.М. О генезисе романтической синестезии «Музыка цвета» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://synesthesia.prometheus.kai.ru/ogenezi2_r.htm. Доступ свободный. Проверено 01.06.2015.

Зорин А.Н. «Выбор невесты» накануне «Женитьбы»: гофмановская поэтика и комедия Н.В.Гоголя // Н.В.Гоголь и театр: Третьи Гоголевские чтения: Сб. докл. – М.: Книжный дом «Университет», 2004. – С.108-117.

Иваницкий А. Архетипы Гоголя // Литературные архетипы и универсалии. – М.: Арт-пресс, 2011. – С. 248-292.

Кулешов В.А. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

Масолова Е.А. История зарубежной литературы первой половины XIX века (немецкий, французский и американский романтизм). – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003.

Beebee T.O. Nation and religion in modern American and European fictions. – West Lafayette: Purdue University, 2008.

Krys S. Allusions to Hoffmann in Gogol's Early Ukrainian Horror Stories [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.academia.edu/685744/Allusions to Hoffmann in Gogols Early Ukrainian Horror Stories](http://www.academia.edu/685744/Allusions_to_Hoffmann_in_Gogols_Early_Ukrainian_Horror_Stories) . Доступ свободный. Проверено 01.06.2015.

Meyer P. The Fantastic in the Everyday: Gogol's 'Nevsky Prospect' and Hoffmann's 'A New Year's Eve Adventure' [Электронный ресурс]. – Middletown, 2000. – Режим доступа:

<http://wescholar.wesleyan.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1065&context=div1facpubs>. Доступ свободный. Проверено 01.06.2015.

А.И.Арсентьева

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

**Образ роковой тени в пьесах А.С.Грибоедова «Грузинская ночь»
и М.Ю.Лермонтова «Испанцы»**

Через выявление специфики мистических образов в названных произведениях Лермонтова и Грибоедова интересно и показательно выявить диалог романтической традиции с другими культурно-философскими традициями.

Роковая тень – это собирательный мистико-мифологический образ, восходящий к языческим представлениям древних о высших силах, одновременно обрекающих на смерть и выступающих союзниками людей, как в борьбе со злом, так и друг с другом (подробнее о литературно-культурном контексте проблемы – см, например: [Виницкий 1998]).

Исследование роли мистического, иррационального начала в фольклоре и литературе восходит еще к XVIII веку. М.Д.Чулков, В.А.Левшин, М.И.Попов и другие русские просветители пытались постичь мистическую философию через переложение таинственных историй, мифов и древних преданий. Однако большинство исследований того времени отличал рационалистический подход и были они направлены на борьбу с иррационализмом как с невежеством, с предрассудками и заблуждениями.

Очень многое в осмыслении мистики дала идеология романтизма конца XVIII – начала XIX века. Иррациональные силы зачастую становятся действующими лицами романтических произведений, для эстетики которых характерна тяга к чудесному, сверхъестественному [Манн 1976]. Вслед за В.А.Жуковским, особенно полно новое мистическое видение мира раскрылось в творчестве В.Ф.Одоевского и А.Погорельского.

Серебряный век – новая важная страница. Писатели и философы, такие, как Вл.Соловьев, В.В.Розанов, Д.С.Мережковский и другие, в своих теософских исканиях стремились постичь проблемы сосуществования в сознании человека реального и потустороннего миров, равно как и проникнуть в некое «безвременное пространство» Бытия.

Новая волна интереса к мистике в отечественной литературной культуре наблюдается с 1990-х годов. С этого времени особенно часто стали проводиться различные конференции, посвященные фантастике, проблемам соотношения мифологизма и религии. Заметим, что именно такой подход очень важен при изучении нравственно-философского «лица» отечественной культуры.